

Глава 8. Глупая собака

Цзян Тан и не подозревал, что творится вокруг, и с головой ушёл в своё важное дело — посадку фруктового дерева. За эти дни он успел съесть немало плодов, но косточки попадались не в каждом. Только сегодня, когда он прокусил мякоть и твёрдая косточка стукнула по ещё не окрепшему молочному зубу, он наконец обнаружил внутри крупного плода прозрачное, словно хрусталь, семечко.

Он обрадовался до крайности!

Живя на этом крошечном клочке мира, Цзян Тан уже изнывал от скуки. Стоило ему увидеть семечко, как в нём тут же вспыхнула та самая земледельческая жилка, что течёт в крови. Не раздумывая ни секунды, он начал рыть яму и сажать дерево, всей душой желая вырастить новую жизнь.

Хотя и сам не знал, получится ли что-нибудь в таком жутком месте.

С огромным трудом закончив с посадкой, он, тяжело дыша, обернулся, чтобы выбрать себе ещё один плод на перекус, — и увидел Фу Линцзюня, наполовину скрытого во тьме.

Красавец? Что он здесь делает?

Фу Линцзюнь стоял в тени, опираясь на меч Шифо, и с расстояния молча смотрел на эту чисто-белую душу.

Цзян Тан в панике быстро огляделся по сторонам. Не увидев и следа здоровяка, он весь сжался и, перекувыркнувшись, спрятался за деревом.

Он же видел, как этот красавец убивает людей! Пусть сам он теперь и жил уже не совсем как человек, но к нынешней жизни кое-как приспособился и очень хотел жить дальше. Каков нрав у красавца — добрый он или злой, — Цзян Тан не знал и потому не смел просто так к нему приближаться.

Прошло немало времени. С той стороны не доносилось ни звука. Тогда он осторожно высунул из-за дерева половину головы, чтобы подглядеть, и как раз встретился взглядом с прохладными глазами напротив.

— Глупая собака, — сказал Фу Линцзюнь, глядя на комочек, уже не такой уж белый, а серовато-пыльный. До чего же он был слаб — аж раздражало.

До ушей Цзян Тана эти два слова всё равно долетели как очередная тарабарщина. Этот красавец был куда менее терпелив, чем здоровяк, — не станет повторять одно и то же по сто раз.

Эм... и что это значит?

Он испуганно прятался за деревом и смотрел на красавца. Тот вышел из темноты, и свет наконец прильнул к его утончённому лицу, словно впервые коснулся нежного белого фарфора: прекрасного и одновременно хрупкого.

Фу Линцзюнь слишком долго не подходил к источнику света и потому чуть прищурил вытянутые глаза. Он исходил в долине Тяньбэй каждый угол, и прежде это место тоже было бесплодным. Откуда же здесь вдруг взялось дерево духовных плодов и узкая полоска небесного света?

Он поднял руку, прикрывая глаза. Длинные красивые пальцы были бледны и словно просвечивали.

И-у-у-и, какой же он красивый! И лицо красивое, и волосы красивые, и пальцы красивые! Ну почему кто-то с распущенными волосами выглядит не как призрак, а как одновременно бессмертный и демон? Цзян Тан, притаившись за деревом, любовался красавцем, вторгшимся в его мир, и чувствовал: стоит тому сделать ещё шаг в его сторону — сердце просто не выдержит.

Смотрел, смотрел — и сам не заметил, как из уголка рта потекла тронутая до глубины души слюна.

Привыкнув к свету, Фу Линцзюнь опустил руку. Увидев у зверька на мягкой шерсти возле приоткрытого рта блестящую каплю слюны, а затем взглянув на горку припасённых красных плодов у своих ног, он решил, что зверёк снова проголодался и жадно смотрит на фрукты.

Легко хмыкнув, он сказал:

— И правда глупая собака.

И дурная, и прожорливая.

Это был уже второй раз, когда Цзян Тан слышал от красавца словечко «глупая собака». Почти как у здоровяка с его «Сяо Бай».

Слова, которые за короткое время повторяют снова и снова... Цзян Тан невольно вспомнил толстого и не слишком умного пса, которого с детства растил один его друг. Пёс соображал туго, и друг, пытаясь приучить его к имени, повторял его столько раз, что сам каждый раз был на грани нервного срыва.

Как зверёк с умной человеческой душой, Цзян Тан мгновенно сообразил: красавец даёт ему имя. И повторяет, чтобы он понял — вот так его и зовут.

Нельзя же выставить себя совсем уж тупым! Это его шанс показать себя с лучшей стороны. Фрукты однажды закончатся, а в этом мире пока вообще ничего не понятно. Если есть возможность ухватиться за крепкое бедро, её нужно беречь.

Вообще, если животному дают имя, значит, оно, скорее всего, очень нравится, так ведь?

Животное с именем вряд ли так уж легко убьют, верно?

Цзян Тан долго трусил, но в конце концов всё-таки решил отбросить стыд и выйти — потереться о ногу красавца, помиловаться, показать себя милым и всё такое. Пусть животным он стал впервые, основные правила милоты он уже прекрасно усвоил: полизать руку, прикусить обувь, потоптаться лапками — этот арсенал он знал назубок!

Он вовсе не потому рвётся к красавцу, что тот красивый!

Грязноватый зверёк выбрался из-за дерева и, осторожно переставляя четыре короткие лапки, двинулся к Фу Линцзюню.

Сначала Фу Линцзюнь не шевелился.

Увидев, что лицо его спокойно, Цзян Тан осмелел и пробежал ещё пару шажков. Этого хватило, чтобы всё его тельце оказалось на виду.

До этого Фу Линцзюнь видел только мордочку зверька — белую, мягкую, прелестную. Но когда тот подбежал целиком, оказалось, что шерсть на теле у него вся серая, коричневая, пятнистая от грязи.

Длинные брови слегка сошлись. С откровенным отвращением он смотрел, как это существо, не знающее страха, бежит к нему, совершенно забыв о том, что именно он сам недавно использовал его как тряпку, чтобы вытереть кровь с обуви.

Цзян Тан, понятное дело, даже не догадывался, что вызывает такое отвращение. Он бежал себе дальше — пока красавец вдруг не вытащил из-за спины тот самый тяжёлый меч, которым прежде убивал людей.

Прямо между ними в землю с глухим звуком вонзился тяжёлый меч, отрезая ему дорогу.

Серьёзно, братец? Можно ведь и не любить, но зачем сразу калечить!

Цзян Тан так перепугался, что шерсть у него встала дыбом. В одно мгновение он умчался обратно за дерево. Нет, и что это вообще значит? Если ты даёшь имя, разве это не знак симпатии? А теперь не подпускаешь к себе — у тебя что, аллергия на шерсть?

Пока Цзян Тан ломал голову над мыслями Фу Линцзюня, тот уже успел успокоиться, убрать меч Шифо и быстрым шагом уйти.

Он вернулся на другую сторону ущелья, медленно прикрыл глаза.

Чёрный туман окутал его, а затем его сознание постепенно освободилось от телесных оков и устремилось за пределы долины Тяньбэй.

В ночи пробравшиеся в Гуанлин культиваторы действовали отдельно.

Они поделились на пять отрядов. Четыре из них заняли позиции к востоку, западу, югу и северу от долины Тяньбэй, а пятый отряд направлялся к самой долине.

Сян Син уже был в пути, а эти люди всё ещё ни о чём не подозревали и с величайшей серьёзностью укладывали ядра духовных зверей в заранее выкопанные ямы. Фу Линцзюнь наблюдал, как по четырём сторонам они поочередно размещают ядра дерева, металла, огня и воды.

Закончив с ядрами, кто-то достал из-за пазухи бумагу для талисманов и с помощью духовного песка начал выводить на ней знаки. Если присмотреться, то рисунки, соответствующие сторонам света, складывались в Лазурного дракона, Белого тигра, Алую птицу и Чёрную черепаху.

Неужели это массив Пяти стихий и Четырёх образов?

В формациях Фу Линцзюнь разбирался не слишком глубоко, но о такой знаменитой, как Пять стихий и Четыре образа, конечно же слышал.

Говорили, что более десяти тысяч лет назад святой даос Мэн Чжао усовершенствовал этот массив, позволив ему через ядра пяти стихий высвободить невероятную мощь. Но после того как он вместе со своим спутником Дао Чжуан Наньхаем удалился от мира, подробных трактатов по формациям почти не осталось. Со временем даже изображения четырёх образов перестали воспроизводить точно, и теперь этим массивом пользовались крайне редко.

И Сун Юнчжэн из Цзэяна сумел изучить даже Пять стихий и Четыре образа? Вот уж действительно не пожалел сил.

Это был исключительно мощный убийственный массив. Достаточно было по правилам пяти стихий начертать по четырём сторонам соответствующие образы и дополнить их ядрами той же природы — и половина работы была уже сделана. Последним шагом оставалось поместить в глаз массива наиболее устойчивое ядро стихии земли. Стоило массиву активироваться, как над всей долиной Тяньбэй возникли бы фантомы Лазурного дракона, Белого тигра, Алой птицы и Чёрной черепахи и намертво заперли бы его внутри. Стоило ему сделать хоть шаг за пределы

долины, как массив тут же сковал бы его, а звериные тени бросились бы на него с убийственной силой.

Культиваторы, отправленные к четырём сторонам света, уже закончили свои рисунки и теперь ждали лишь отряд у глаза массива — как только тот завершит своё дело, всё будет готово к запуску.

И именно в этот момент отряд из шести человек, шедший к глазу массива, лоб в лоб столкнулся с Сян Сином.

Цепи звякнули.

— Что за звук? — все сразу обернулись в сторону шума.

Из темноты медленно выступила громадная фигура. Ростом больше девяти чи, весь — из бугрящихся мышц, с мощными суставами, он одним своим неподвижным присутствием давил на людей до дрожи.

Это был странный человек в чёрной маске.

— Кто там?! — крикнул кто-то, пытаясь набраться смелости.

Ответа не последовало.

Цепь волочилась по земле, издавая неприятный скрежет. Он двигался очень медленно, но каждый его шаг был устойчив и тяжёл. Увидев отряд из шести человек, он даже будто немного разочаровался:

— А... где... остальные?

Ему было лень разыскивать всех по отдельности. Если бы собрались в одном месте, можно было бы прикончить всех разом.

— Мы — ученики дома Сун из Цзэяна. Здесь у нас важное дело. Попрошу вас отойти, — культиватор, только что осмелившийся заговорить, увидел, что незнакомец двигается неторопливо, и страх в нём понемногу угас. В голосе даже зазвучала гордость великого рода. — А вы, собственно, откуда будете?

Сян Сину было лень болтать с этой компанией. Раз ответа на его вопрос они не дали, значит, он сначала разберётся с этими шестерыми, а остальных найдёт потом.

Толстая чёрная цепь метнулась к ним молнией. В следующий миг шестеро учеников Цзэяна уже были спутаны ею так, будто шесть кузнечиков нанизали на одну нитку.

— Ай! Что это за дрянь?!

— Быстрее... подайте сигнал!

— Как я сейчас... а-а! Кажется, у меня рёбра сейчас треснут!

Сян Син был хорошим мальчиком. Хозяин велел прибрать всех подчистую, значит, мешкать нельзя. Он подошёл и положил ладонь на голову одного из культиваторов.

— А-а-а! Что ты собрался...

Плюх.

Голова того человека лопнула, как раздавленный арбуз. Кровь, мясо и мозги брызнули во все стороны.

Оставшиеся пятеро оцепенели от ужаса. Двое тут же не удержались и, обмочившись, завывали в голос.

Ученики Цзэяна и без того до дрожи боялись Гуанлина и идти сюда не хотели. Но они тешили себя надеждой: как известно, великий демон Фу Линцзюнь может вырваться из печати не чаще одного раза в месяц, да и то ненадолго. Несколько дней назад их род уже потерял двадцать пять учеников, а значит, в пределах этого месяца ничего случиться не должно было.

Кто же знал, что сам Фу Линцзюнь не появится, зато появится чудовище, убивающее ещё страшнее!

До самой смерти ученики Цзэяна так и не поняли, откуда взялся этот монстр и почему о нём за тысячи лет не просочилось ни единого слова.

Под их крики Сян Син спокойно переходил от одного к другому, раздавливая головы по очереди. Когда все вопли стихли, он посмотрел на свои руки, потом на месиво на земле и слегка занервничал. Хорошо, что хозяин не пришёл сам, а то опять сказал бы, что он всё испачкал.

Ученики Цзэяна, дежурившие по четырём сторонам света, давно уже начертили свои образы, но всё не дождалось, чтобы отряд у глаза массива активировал формацию. Они только собрались передать им духовное сообщение, как Сян Син стал находить их одного за другим.

Надёжный до невозможности, Сян Син, закончив с последним, ещё и сам связал все трупы

вместе, чтобы утащить их в долину Тяньбэй целой связкой. Хозяин говорил: если тела заберут обратно, а души удастся собрать по кусочкам, некоторых ещё можно будет оживить — если, конечно, удастся вернуть их огонь жизни.

Что такое огонь жизни, Сян Син толком не понимал. Но знал одно: только если притащить эти тела обратно, разорвать души и швырнуть их в долину Тяньбэй, можно считать, что люди и правда умерли окончательно.

В самой долине Тяньбэй Фу Линцзюнь смотрел, как Сян Син возвращается, волоча за собой трупы этих муравьёв. Чёрный туман вокруг него медленно рассеивался.

Но жажда убийства уже подняла голову.

От того, как крепко он сжал ладонь, кожа на ней лопнула, и кровь закапала вниз.

Фу Линцзюнь не обращал внимания на рану, будто тело вовсе ему не принадлежало и боли он не чувствовал.

Запрокинув голову, он втянул в себя запах крови и снова, с новой силой, ощутил раздражающее желание убивать.

<http://bllate.org/book/17032/1599347>